

ВЕК ЖИВИ, ВЕК УЧИТЬСЯ

Есть такая книга прозы у В.И.Амиргуловой «Легион черной змеи» (Орел, 1998 г., изд-во «Вешние воды»). Выступая в жанре рассказа, Валентина Ивановна стремится продолжать традиции современной отечественной литературы. Рассказы ее сборника в основном психологического характера («Ваня и Му-му», «Русская душа», «Паводок», «На кладбище»), раскрывающие тему защиты человека от бесчеловечности, засилья прежних устоев («Графская крепость»), современного нигилизма («Деревянная рака», «Эпитафия»). В предыдущей книге Валентины Амиргуловой «Поэма о сапогах», помнится, мы уже отмечали в ее прозе элементы лиризма, внимание внутреннему миру, психологии человека. В рассматриваемом сборнике автор продолжает линию сопереживания, сочувствия простым людям, поддерживает в читателе общественные интересы, не отступая от намерения сохранить общечеловеческие ценности, что не так-то просто в наше сложное, противоречивое время.

В рассказе «Ваня и Му-му», речь идет о скотнике Иване, пьянице – одиночке, которого любит только одна – единственная в деревне бродячая собака. Как у Тургенева, действие происходит тоже на Орловщине, на мценских землях, неподалеку от Спасского-Лутовиново. Видно, не так уж и плох был этот Ваня, если оказался способен на проявление человеческих чувств по отношению к животному. Само название рассказа «Ваня и Му-му», местность, где живет и действует герой, не обошлись, видимо, без влияния классика.

Бездомная дворняжка, прозванная «Му-му», кормилась подачками от каждого двора. В конце концов, Му-му приглядела себе хозяина – этого самого Ваню. Бегала всюду за ним, даже когда тот направлялся по известному адресу за бутылкой.

Однажды в деревню прикатил на «Волге» «новый русский». Услышав, что собаку зовут Му-му, «автолюбитель» крайне удивился, при-

задумался и решил позабавиться. Поставил Ване бутылку, стал склонять его, чтобы тот утопил любимицу, как и когда-то тургеневский Герасим. Поначалу Ваня вроде бы соглашался. У владельца «Волги» даже веревка нашлась в багажнике. Однако в последний момент Иван решил, что так нельзя, нехорошо это, не по-человечески. Словно лучиком каким-то просверлило Ване мозги: в самом деле, разве мы не в ответе за тех, кого «приручаем»? И вот в выборе добра и зла Ваня проявляет свободную волю. Лучшие человеческие качества, как и у тургеневского героя, возобладали в герое Амиргуловой, одолели в нем пагубную привычку к зеленому змию.

Тему национального характера автор исследует и в рассказе «Русская душа». Сюжет незамысловат. Бывшие зэки живут в селе смиренно, бывшие воры вполне уживаются с бывшими убийцами. И вот, когда крупные хозяйства стали рушиться, этот совхоз (имени Георгиевского), единственный в районе, устоял, люди не стали разбирать его на мелкие кусочки. Решили, что вместе легче будет пережить трудные времена. Да просто привыкли тут жить испокон общиной, веками стоять заодно. И вот в деревне объявился японец. Захотелось ему выведать у русских их особый «секрет»: как это они обитают тут, денег не получают, и ничего себе, живы. В соседней деревне свиньи давно уже передохли, а эти хитроумы мечтают еще и о каких-то привесах. И стал японец всюду нос свой совать, пытаясь познать «механизм» выживания русского человека, и, не видя никакого «механизма», нервничал. И пошел японец на крайние меры. После лекции в сельском клубе о международном положении, то есть о сожительстве всяких наций, возникла у «Японии» мысль наладить неформальные отношения с «Россией» в лице деревенской красавицы Люси.

Явился японец к Люсе как раз под обед. А у нее уж какой-то мужик обретаётся, тут же и детишки малые крутятся. И, когда японец показал Люсе глазами на мужика, мол, кто это, она заявила гордо, что это вовсе не муж ее, а временный работник, хахаль, пока муж ее где-то в тюрьме. На вопрос: не будет ли муж потом ревновать, Люся как отрубилась: ни в коем случае! Не может же она жить тут одна да

еще с чужими ребяташками. Ребяташки тоже оказались не ее, а соседские. Люся взяла их к себе на содержание, пока их мать, как и многие тут, то ли сидела в тюрьме, то ли работала где-то на стройке века. И японец признал, что Люся, в самом деле, истинно «русская душа». Такая женщина лучше других поймет душу мужчины любой национальности, в том числе и японской.

Автор рассказа ведет сюжет иронично, с пониманием ситуации, не упуская главного: если человек падает, то не до самого дна, а чтобы очиститься, укрепиться духом, после набрать высоту. И как тут не вспомнить Горького, его драму «На дне», где герои, если и оказались на самом низу общества, то все равно не забыли, что они люди. Не теряют человеческого обличья обитатели «дна» и в рассказе Валентины Амиргуловой, продолжающей устойчивую для нее тему становления «русской души». Как видим, даже при невероятных обстоятельствах героиня Амиргуловой находит собственный выход из создавшегося положения.

В самом деле, деревенская жительница Люся живет естественным образом, по своим понятиям и законам. И «хахаля» держит на привязи, и мужа собственного не забывает, к тому же воспитывает еще и соседских детей. Однако, по мнению автора, поведение Люси не находится в противоречии с общественной моралью, ведь надо выживать, поднимать ребяташек. Как автор Валентина Амиргулова напрямую ни у кого ничего не заимствует, скорее, зорко приглядывается к современникам, смотрит на них оценивающе, а учится у классиков, подобных Тургеневу, и делать это старается, как она понимает, в соответствии со своими возможностями, новым временем.

Другой персонаж того же рассказа Георгий тоже вроде бы «творческий» человек. С каждым в округе он накоротке, за руку, с каждым находит общий язык. Георгий готов подстроиться под любого, зорко следит, чтобы все вокруг вершилось по «справедливости». Тут, в своей деревне, никаких тебе краж у него, никаких пьяных дебошей. Таков положительный герой Валентины Амиргуловой, так сказать, ее человеческая, моральная ценность.

Отметим в небольшом по объему произведении признаки крупной формы – повести, романа. Это появление массовых сцен, протяженность действия, пространные рассуждения героев в той или иной ситуации. Кстати, как и в предыдущей книге «Поэма о сапогах», тут, на мой взгляд, проявляются признаки компромисса: женское восприятие мира у Амиргуловой и ее поистине крепкая мужская хватка – тяга к показу широкой панорамы действительности. У автора ощущается желание верить в людей, в большом смысле – в народ. Как видим, Валентина Амиргулова стремится к многогранности изображения, исследованию многослойной народной жизни. Показывая человеческие пороки, Валентина Ивановна вникает в социально-исторические пласты, противостоит порокам по-своему, как она это понимает, включая свои, как говорится, «клапань», через которые стравляется «пар», достигается общественный резонанс. Как автор Валентина Амиргулова имеет определенный арсенал тем, сюжетов, теоретически знает, что надо ей и что она может, к чему стихийно стремится, превращая идеальное в реалии своего творчества. Это сближает и в то же время отличает ее как рассказчика от современников – тоже авторов малой формы.

Внимание Амиргуловой к русскому национальному характеру мы наблюдаем также и в других рассказах («Деревянная рака», «Как в Горюнове церковь рушили», «Эпитафия»). Параллельно с этим в них возникает протестная тема, критика общественных отношений, некий нигилизм, известный еще со времен Тургенева. Действительно, Валентина Амиргулова видит все по-своему, в зависимости от обновляемых обстоятельств, в которые попадают нынешние герои. Так, работник культуры Люба («Деревянная рака») считает свою работу в краеведческом музее непрестижной, даже ненужной. Она делает эту нудную, опостылевшую ей работу через силу. В то время как другие живут активной жизнью, участвуют в производстве материальных благ. А тут сиди в музее, охраняй всякое хламье, осколки прошлого. И на что только тратятся лучшие годы! Иными словами, героиня формируется в стенах музея как отрицатель действительности, нигилист. Люба живет ожиданьем, когда же наступит настоящий день,

когда спадет тяжкое бремя «оков»? В начале Люба разделяет взгляды товарища Артема, его борьбу с пережитками прошлого. Когда в обществе ставятся главные вопросы: урожая, жилья, войны и мира, находятся такие элементы, которые внушают мысли о каком-то аде и рае, а ведь религия – «опиум для народа». И Любе хочется призывать людей не покупать иконы, в дни поста она зазывает всех на карнавалы, в кино, на лыжные прогулки. Правда товарищ Артем говорит, что ей надо еще много учиться, чтобы стать «системным» атеистом, по силе воздействия равной целой агитбригаде.

Сюжет рассказа прост. В бывшей Ильинской часовне за два дня до Нового года была устроена атеистическая выставка. Когда после всего этого кто-то осквернил распятие, Люба вдруг стала в тупик: что это за вандализм такой? И вот что-то стало с ней происходить. Она вдруг принялась объяснять осквернителю, что церковь – это тоже как бы музей, а распятие – экспонат, тоже имеет ведь свою ценность. Века все людьми делалось, силы какие ухлопаны. И у нее защемило сердце, в сознании стало что-то переворачиваться. После внутренних борений, поменявших в ней «полюса», она уже внушала посетителям то, что прежде казалось ей чуждым.

И вот в краеведческий музей привезли святые мощи Тихона Задонского. Это для большей убедительности пропаганды и агитации. И хотя Любе прежде внушали, что мощи эти сделаны просто из картона, что нет ничего в них особенного, но после сцены в часовне, она уже верила в глубокий смысл животворный мощей. Такова эволюция героини Амиргуловой, по сути ее перерождение, а у автора – психологическая мотивация поступков. Люба внутренне зорче смотрит теперь на мощи, не находя в них никакого изъяна. Ну и что ж, что это картон, смесь из воска и ароматической смолы! Все равно реликвия это, святыня, если ей поклоняются люди. Героиня сравнивает другие экспонаты музея со святыми мощами. И, хотя те и другие предметы лежат рядом, атеистические экспонаты ей кажутся теперь неживыми, какими-то мертвыми, а святые мощи Тихона Задонского вдруг показались ей райскими, чудом. Отныне она свободно задавала себе вопросы. Спрашивала и у других обо всем, что интересовало

ее. От одного знакомого Люба узнала, что святой Тихон страдал от властей за то, что служил бедному люду. И Люба стала рассказывать об этом всем на экскурсиях. И, когда один посетитель тут же исчез, как ветром сдуло, словно его и не было, она подумала, обеспокоясь: «Куда это он, зачем и к кому побежал?» Возникшее у нее подозрение подано автором как условный прием, нереальное, проявившееся на почве веры, но наяву как нечто иллюзорное, невероятное в реальной действительности.

Обретая духовность, веру в божественное предназначение человека, героиня рассказа, продвигаясь шаг за шагом, эволюционируя, становится совершенно иным человеком. В разговоре с товарищем Артемом она теперь уже прямо заявила ему, что Тихон Задонский - святой, он помогал страждущим, мощи его заслуживают поклонения. И отношения у молодых людей разладились. После болезни Люба и вовсе заявила, что они с Артемом теперь чужие. И тут же подумала, что в трудную минуту только Бог один может подать ей руку помощи.

Когда наступила война и фашисты приблизились к городу, в музей пришел старик-священник, и сказал, что если мощи останутся в городе, то люди спасутся. Она поверила священнику, а еще больше в единение людей, в спасение, идущее от правого дела. Перед тем, как врагу бомбить город, она вспомнила Тихона Задонского, старика - священника, его слова о спасении. И час пробил, пришло городу освобождение, а героине Амиргуловой - облегчение. Так, исподволь, автор продвигает свою героиню по обновляемой, идеализированной социальной среде. Валентина Амиргулова не дает своей героине захлебнуться в потоке неверия, нигилизма, делая ее выразителем высшей, духовной человеческой правды и отражая это в рассказе по-крупному, мощным, широким художественным мазком. Обходя атеистические препоны, автор дает возможность осознавать проблемы как молодого, так и старшего поколения.

Валентина Амиргулова теперь уже знает, какой жизненный, бытовой материал необходим ей для раскрытия темы. Она глубже, чем прежде, воспринимает людские нужды, потери, за которыми осязаемо

куда более сложное понимание жизни, восприятие непростого людского существования. Постепенно читатель начинает осознавать, что у автора есть еще «порох в пороховницах»; в наше сложное постатеистическое время, когда все «смешалось в доме Облонских», всерьез ставятся важнейшие духовные проблемы, высшей божественной правды.

По сравнению с предыдущей книгой Амиргулова увереннее ориентируется в обществе, где господствуют противоречия, где вера уживается с нигилизмом, в котором нет уже, как прежде, монотонной историко-психологической картины, резче социальные контрасты, острее дискуссии, возможно противостояние. Валентина Амиргулова стремится идти к морально-этической сути через внутренний мир героев, через психологию, осваивая все более усложняющиеся территории веры, пространства души. Настроенная на классиков, Валентина Амиргулова уделяет внимания современному бытию, слову, его духотворности, лиризму абзаца, строки. Сюжет концентрируется вокруг характера, группирует причинно-следственные связи вокруг одного узла. Когда возникает необходимость прокомментировать событие, автор возвращается к главному герою, его доминанте. От лирического отступления до наступления действием, через поступок, – такова амплитуда «колебаний» автора, откуда пространство способно открываться в своих более свободных отношениях с героями, сюжетом. Пропорция, экспозиция события, развитие характера говорят о немалом опыте Амиргуловой как рассказчицы. Мысль о невозвратности времени, невозможности полного перенесения традиций по вертикали – из события, героев по горизонтали – живут в жанре рассказа у нее полноправно, это ее опыт, ее знание жизни.

* * *

Как уже отмечалось Валентина Амиргулова в своей связи с классиками стремится к своему собственному голосу, своему естеству. У нее это, скорее, творческая переключка, а не заимствование. Автор находит такие перипетии прошлого, которые как бы перетекают отсюда к нам сюда, в наши дни. Амиргулова понимает, что при забвении прошлого возникает отторжение традиций, движение в сторону, в социальном плане – речь идет уже не только о непочитании

предков, но и об утрате веры, корней, что приводит к стиранию памяти о своем роде, народе, в конце концов, к изменению облика всей страны.

Обратимся к сюжету рассказа «Эпитафия». Это кладбище на окраине города считалось «законным», а то, другое – «незаконным», с еврейскими надписями. На «законном» кладбище после Великой Отечественной войны персонажа Ваську мина оставила без глаза и без трех пальцев на левой руке. И вот стали сносить «законное» кладбище: собирались построить там какой-то завод. Через десять лет и «незаконное» еврейское кладбище закрыли. Место под одно, общее для всех, кладбище было отведено где-то на окраине города.

Нигилизм структур приводит к нигилизму всех сверху донизу. Появились громилы, стали крушить новые, старые – «законные», «незаконные» кладбища, захоронения. Была осквернена и могила родственников Фаины Исааковны. Она сказала в сердцах, что не может больше тут жить! Мрачное средневековье!.. Не увидела памятника на могиле отца и героиня рассказа Аннушка. Когда она принесла бюллетени для голосования и увидела людей бессильными, такими же, как и сама, она поняла, что нельзя жить врозь, пребывать на земле и дальше с ненавистью в душе. С ней произошло то же самое, что и с Любой в предыдущем рассказе: кризис, духовный переворот. Через потрясение, которое едва не сломило ее, она приходит к мысли о сострадании, добре, к внутреннему возрождению, возвращению в себе утраченных сил.

Такая черта, в какой-то мере присущая и другим персонажем Валентины Амиргуловой, усматривается как традиция, идущая от классиков. Автор стремится показать катарсис не за длительный период, а как вспышку, озарение, переломный момент. Это мы видим как в рассказе «Ваня и Му-му» у скотника Ивана, так и в рассказах «Деревянная рака», «Русская душа», «Эпитафия». Сопрячь воедино противоречия, создать новые антиномии и посмотреть, как прореагируют на это герои, станут ли они свободнее в выборе добра или зла в экстремальной ситуации. И русский человек, осуществляющий выбор, нацеливает действие на добро, а русская душа - на совесть, со-

чувствие, сострадание, на высшее божественное, общечеловеческое начало, идущее откуда-то сверху, с небес.

А место борьбы добра со злом – человеческая душа, зона действия – личность, результат – характер, тип. В рассказах Валентины Амиргуловой это стремление показать, что даже в чрезвычайной обстановке лучшие свойства всякого русского, а именно, черты национального характера, смогут проявляться более ярко именно в кризисной ситуации, в переломный момент. А если человек, не удержавшись, все-таки падает, в конце концов, как считает автор, герой способен возвыситься над обстоятельствами, нравственно переродиться, лично способствуя возрождению общества. И если классики в своих коллизиях почти не пользуются конкретным, биографическим материалом, их герои живут в эпическом времени, то Амиргулова применяет историко-биографическое время в жизни персонажей, что является ее индивидуальной особенностью. Кризис самосознания скотника Ивана, Любови Ивановны, других сельских жителей вмещаются в их биографии, находятся на границе обычного, однако в переломный, парадоксальный момент место действия переносится на улицу, в массы, где и испытывается характер, человеческие качества.

По сюжету рассказ Валентины Амиргуловой «На кладбище» местом действия напоминает рассказ «Бобок» Достоевского. Но, в отличие от классика, у Валентины Амиргуловой на кладбище деревни Давыдовки действуют живые, реальные люди. В поминальный – Троицын день сюда, где осталась на жительство только одна старушка Семеновна, приезжают из города земляки, среди них и Гришка – бывший скотник, тоже пристроился где-то там на производстве. Автор применяет в сюжете психологический ход – скандал, чтобы выразительнее обнажить суть происходящего. Пришли на кладбище люди, а Гришка криклив по-прежнему, хулиганит, сквернословит, как и когда-то, когда был тут пастухом. Но теперь Гришка высказывается по делу, предъявляя счет в лоб, напрямую, ничего не скрывая – всем от имени стертой с лика земного Давыдовки. Поуехали, а теперь глядите: тут необитаемый остров, крапивное семя, бурьян!

Те, что приехали на машинах, смотрят на своего бывшего пастуха с усмешечкой, считая себя умными, а его по-прежнему дураком. Гриша хорошо понимает свое, как и прежде, неравное положение и высказывается еще горячее, еще откровеннее перед всем этим, видите ли, «сбродом», рассеянным по городам. Чем не «шукшинский тип» – деревенский в городе; гляньте-ка, вернулся в родные «пенаты»! Вот он тут всем подряд и режет правду-матку о трагедии деревень. А вы, мол, расселись там по учреждениям, заколачиваете денежки, это вместо того, чтобы взяться за дело по-настоящему, вытянуть деревеньку. Себя в расчет Гриша не принимает. «Что он – сдуру, что ли?» – думают бывшие сельчане. Затем, отходя сердцем, все они начинают смотреть на него куда более сочувственно, самим-то по городам тоже живется не больно легко. И этот Гриша, если подумать, тоже ведь приехал на материну могилку, значит, есть еще совесть у человека, осталось что-то в нем человеческое. А Гриша так разошелся со своей критикой, так разнервничался. Однако он же придал сборищу и оживление. Ради разговора все стали делиться наболевшим друг с другом, сосед с соседом. А к вечеру все собрались и укатили обратно, никто не остался на ночевку в родной деревеньке. Только Гриша этот, главный герой, и застрял, да и то случайно. Все забыли про него, а он, нетрезвый, как свалился в яму – в вырытую могилу, так там и остался. Могила-то эта была выкопана еще весной для бабки Казанковой, но похоронили старушку в городе, потому могилка и оставалась пустой, все ждала своего часу. Как свалился Гриша в яму эту, так там и уснул.

Элемент «экспериментальности» уводит психологию людей в происходящем в сторону непристойности, скандала. Отметим эпизод с Гришиной «ямой», он имеет карнавальныи характер. Согласно требованиям жанра, Валентина Амиргулова показывает могилу как ключ к преисподней, откуда человек отправляется в рай или ад.

М.М.Бахтин заметил, что такой сюжет - «мениппея» как универсальный жанр - задает сразу несколько важных вопросов, в том числе и о смысле жизни. Действие происходит как в конкретной точке на земле, так и вообще в вечности. Участники событий в рассказе

Амиргуловой, если вдуматься, тоже стоят на пороге вечности: жизни и смерти, лжи и правды, ума и безумия, предстая перед небом и на земле. Центральная идея Достоевского исходит из мистерии: «Современные мертвецы ни на что не способны: ни умереть и ни возродиться». У Валентины Амиргуловой элементы мениппеи несколько опущены шаржем, с таким же карнавальным мироощущением. На кладбище, куда, съехались на поминовение предков, присутствует почти вся прежняя, теперь призрачная Давыдовка. Изобразительность при этом - развивается как бы сразу в двух планах: мистериальный характер мениппеи сочетается с карнавалом.

В массовых сценах у Валентины Амиргуловой возникает нелепое, неожиданное. Оппонируя другим рассказчикам и в то же время развивая свою мысль, автор создает для художественной ткани новые возможности, новые ассоциации. Предметом внимания становится психологические состояния героев, личный опыт автора. В день поминовения автор психологически глубже, многозначнее познает и показывает бывших односельчан. Да и сами люди проявляют желание больше узнать друг про друга, чем когда бы то ни было, при прежнем, монотонном течении времени.

Разберемся в «мениппейности» ситуации. В самом деле, Гриша оказывается в могиле словно по чьей-то злой воле. Могила для него своего рода чистилище, прямо-таки преисподняя. Ночью бывший пастух просыпается и приходит в ужас, не зная, как ему выбраться отсюда, из преисподней-то: помощи, боже! И, может, впервые Гриша задумывается над смыслом жизни, над судьбой. Кто поможет тебе - глухая, полубезумная бабка? Ведь кругом на пять, десять, пятнадцать верст - никого, бесконечность, родимый край. И что ты сам сделал хорошего и кому? Чем ты лично землю-то осчастливил, чтобы родная Давыдовка не ушла под снег навсегда?

Утром соседка - старушка Семеновна пришла и помогла Грише выбраться из могилы, привязав веревку к ограде и кинув другой конец ему туда, в яму. Григорий искренне обрадовался живой душе, а загробный мир ему показался еще страшнее. И, когда пошли они снова по деревне, поближе друг к другу, деревенская улочка вдруг

опять ожила, стала Грише родней. И небо стало над ним не в клеточку, а высоким, мир весь наполненным. И понял он: одному жить нельзя, одиноко жить невозможно. И когда старушка спрашивала его, каково ему там в могилке-то было? Григорий, видимо, обретая веру в себя, уже не вилял, а прямо глядел в глаза ей, развернувшись в сторону Давыдовки, где сияли перед ним лица, живые вроде бы люди, родовые корни.

Посмотрим, наконец, чем удалось автору обогатить жанр рассказа с точки зрения раскрытия внутреннего содержания, психологии героев? Этот жанр подвижен, он всегда стар и нов, постоянно обновляется на каждом витке повторения. В развитии литературы это, пожалуй один из самых демократичных жанров, многие начинают с него. В каждом индивидуальном произведении, в рамках этого жанра, проявляется способность автора увидеть все по-своему, соединяя прошлое с настоящим. Обладая творческой памятью, определенной подвижностью, этот жанр обеспечивает единство поколений, непрерывность историко-литературного процесса, ибо рассказы, как и стихи, являясь самым массовым жанром, активно участвуют в этом процессе. Любопытно, написавший в манере рассказа хотя бы единственное произведение, способен в порыве искренности и вдохновения задаться вопросом: удалось-ли тебе ухватиться за нить Ариадны, проникнуть в психологию современника, обогатиться как личности, найти себя как человека в близком тебе человеке?

В рассказе «Ваня и Му-му», показав героя способным поделиться сокровенным, в данном случае, хотя бы и с собутыльником, Валентина Амиргилова дает понять, что жизнь человеческая скоротечна, это всего лишь росчерк, штрих на листе судьбы перед вечным безумством тех, кто плюет на святое, сделав деньги идеологией. Кажется, мир Ивана-скотника автор копает не так уж и глубоко, чего там «копать»? Все мысли персонажа крутятся вокруг выпивки; действительно, интересы Ивана односторонни, но и в этом имеется своя правда. Мы уже отмечали в предыдущей книге упущенные возможности, отметим ныне другое: в частности, там упущенное Валентина Амиргилова компенсирует тут приобретениями, в частности, в этих

рассказах говорит о вере как высшей божественной правде, о смысле жизни перед судом небытия. Валентина Амиргулова идет в рассказах не только через психологию, но и через ситуацию, через предполагаемое сопоставление с кем-то и с чем-то, с тем же «шукшинским типом», с каким-нибудь интеллектуалом, эмоционально и умственно развитой личностью, а саму ткань, «материю» рассказа, детали, эпизоды из жизни своего героя автор берет из своего миропонимания, своей собственной жизни и практики. В рассказах «Деревянная рака», «Русская душа», исследуя сознание другого, Валентина Амиргулова видит мир героя не только в нем, вне себя, но и, прежде всего, в самой себе, в своих внутренних коллизиях и перипетиях.

Пытаясь вести диалог со своими героями, Валентина Ивановна считает, что монологизм того же Тургенева недостаточен в непростых ситуациях современного бытия, современных обстоятельств с их острыми поворотами, гранями. Автор движется в сторону взаимозависимости отношений, предоставляя героям свободу выбора. К примеру, персонаж Любовь Ивановна («Деревянная рака») обладает определенной психологической незавершенностью. И все-таки героиня стоит на пороге решения, хотя и не имеет возможности кардинально преодолеть этот порог. Последнее слово при дальнейшем осмыслении образа видится уже не только за героиней, но и за обстоятельствами, формирующими ее желания, волю, личность.

Когда кто-то плюет на распятие, героиня осознает, что распятие является реликвией, достоянием, и это создает дополнительные эффекты, самые неожиданные как в прозе, так и в самой жизни, возможности внутреннего преображения, обогащения натуры. В момент кризиса в героине, обращенной к святым мощам, крепчают физические и духовные силы. Она плачет по «загубленным» душам, по людям, не способным сопереживать, сочувствовать, верить, любить. Она искрення по отношению к другому — этому безбожнику Артему, который не может возникнуть из-за крушения внутренних устоев, высоких духовных помыслов, идеалов. В который раз как человек автор пытается спасти человека в трудные времена.

Психологически более сложный созданный внутренний мир образа Люси («Русская душа»), уводит героиню в пространство жизни, глядящей далеко прямо перед собой. Такие люди спасают не только себя, свою душу, но и души других – человека из народа. Своим примером творческой активности автор не прочь подтвердить еще раз, что «есть женщины в русских селеньях» со «спокойной важностью лиц». Героиня из той же «Русской души» в который раз пытается искать себя в непростых человеческих отношениях. В конце концов, благие порывы, открытые помыслы выливаются в тягу к нравственности, сопереживанию с горем, бедой других, к совести, состраданию.

Отношение к людям не противоречат осуществлению автора, его чувственной, человеческой натуры. Валентина Ивановна стремится изобразить переживания героев как личное стихийное бедствие, проявление жизнелюбия - органичного и естественного в неестественно сложной, часто несправедливой среде обитания. Героиня Люся – носитель поэтической неоднозначности, в герое Грише тоже устойчивы черты национального характера. В самой Валентине Амиргуловой живо желание совершенствоваться, неустанно проявление жизненных сил, отчего и рождаются чувства, любовь, духовное содержание, все прекрасное на земле. Иными словами, все это неразрывно с естественным в иерархии духовных общечеловеческих ценностей в ее рассказах, где начало - рельефно, доминанта – признание, а финал – за занавесом времени. Соотнесенность с сознанием, волей своих героев Валентину Амиргулову как автора с женской душой, но с крупной, мужественной позицией ведет снизу ввысь – от грешной земли, от «черноты», в которой в нас «легионы», к идеальным, светлым божественным ценностям, праведным истинам, к вере в высшее духовное предназначение человека.